

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1238-1248
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1238

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

National Education as an Instrument of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of National Oriental Studies of the mid XIXth – early XXth centuries

Sabira N. Apasheva ^{a, *}, Michael K. Churkin ^b, Sairan M. Kartbaeva ^c, Natalia I. Churkina ^c

^a Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^c Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Abstract

The article attempts to deconstruct the discourse of national education in the scientific works of Russian orientalists. The hypothesis is formulated that the discourse of national education, represented in the works of Russian Orientalist scholars, performed a significant function of forming the perceptions of the authorities and society about possible scenarios of integration of national minorities of peripheral territories into the all-imperial space, based on modern scientific knowledge delegated to the empire the right to make responsible decisions in the field of national and imperial construction. The paper notes the paradoxical construction of the discourse of national education as a tool for integrating the Asian periphery into the all-imperial. On the one hand, orientalists, as carriers of knowledge about the East, associated the achievability of the results of integration of non-ethnic communities with the overcoming of cultural differences and the formation of a "big Russian nation" in Asian Russia. On the other hand, the Eurocentric attitudes and provisions that developed in the intellectual environment of the late Enlightenment era produced such ideas about the possibilities of incorporation of the peripheries, in which the motive of cultural distance between the man of knowledge and culture and the colonial subaltern remained unchanged. In the course of the research, the perceptions of Russian orientalist scholars about the Asian periphery of the Russian Empire as "its own east" at different stages of research activity in the broad chronological boundaries of the 19th – early 20th centuries were revealed. It is established that the problem of the formation of national education in the peripheral regions of the empire was an integral part of the discourse of integration of national minorities into the all-Russian social space, within which the framework of interaction between the imperial authorities and the indigenous population of the peripheries was set. In the discourse of the first generation of Russian Orientalists, the issues of incorporation of the territories and the indigenous population of the peripheries were considered in the context of Eurocentric attitudes, and national education was labeled as an instrument of Christianization of nomadic nomads. In the spirit of conservative romanticism, theorists and practitioners of Orientalism constructed scenarios of a national school, in the coordinate system of which the use of the native language in education was a decisive factor in overcoming cultural differences. The evolution of Russian Orientalism in the following years, which consisted in overcoming the templates of Eurocentrism, did not fundamentally change the general content of the discourse, adjusting only the methods of its implementation in the sphere of national education while maintaining the rhetoric of moral superiority and paternalistic logic in relation to the peoples of Asian Russia.

* Corresponding author

E-mail addresses: sabira66_66@mail.ru (S.N. Apasheva),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), kartbaevasairan@yandex.ru (S.M. Kartbaeva),
n_churkina@mail.ru (N.I. Churkina)

Keywords: national education, integration of indigenous peoples, Asian Russia, imperial colonization, discourse, national orientalism.

1. Введение

Постоянное расширение территориальных границ Российской империи, переселения значительных масс людей на окраины страны, в том числе, во второй половине XIX – начале XX вв. в районы ее восточной периферии, ставили перед властью, политическими элитами и обществом вопрос об универсализации имперского административного управления, а также о разработке сценариев и практик встраивания колонизируемых земель и человеческих сообществ в общеимперское поле.

Очевидно, что в XIX столетии российская колонизация как главный сюжет отечественного исторического процесса (Ключевский, 1987: 49–50) обретает свой окончательный «восточный» вектор, а территории, расположенные за Уралом, начинают маркироваться имперской властью как «собственный восток» России (Тольц, 2013), окончательное обретение которого становилось возможным только при условии преодоления его отдельности, что могло быть обеспечено системными действиями, направленными на культурную инкорпорацию отдаленных пространств.

Таким образом, имперские проекты в образовательной сфере были адресованы непосредственно коренным народам Азиатской России, являясь естественным продолжением дискурса национального и имперского строительства в России второй половины XIX – начала XX вв., а обсуждение задач национального образования и технологий их реализации во многом определялось ситуативным общественно-политическим и социокультурным контекстом, в рамках которого происходили важные коррективы в представлениях российского общества и имперской власти о задачах, принципах и практиках колонизации пространств, входивших в «пул» геополитических интересов России.

В этой связи дискурс национального образования, репрезентируемый в трудах российских ученых-востоковедов, выполнял значимую функцию формирования представлений власти и общества о возможных сценариях интеграции национальных меньшинств окраинных территорий в общеимперское пространство.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с раскрытием и рефлексией содержания дискурса национального образования как инструмента имперской колонизации, предполагает привлечение в качестве основного источника массива публикаций (монографии, научные статьи, заметки) российских востоковедов середины XIX – начала XX вв. (Григорьев, 1840; Ильминский, 1889); (Бартольд, 1963). В работах отечественных ориенталистов консервативной и либеральной направленности фиксировалась рецепция научным сообществом императорской России перспектив решения инородческого вопроса в обстоятельствах внутренней колонизации образовательными средствами. Привлеченные материалы позволили раскрыть представления ученых о восточных окраинах как «собственном востоке России», научных сценариях трансляции знания в среду индигенных народов, теориях и практиках конструирования системы национального образования и методах его продвижения в периферийных регионах империи. Важную вспомогательную функцию в исследовании выполнили законодательные материалы (Свод главнейших..., 1882), отчеты духовных миссий (Извлечение..., 1898; Отчёт о Киргизской миссии..., 1900: 4–12), а также личные свидетельства акторов общественно-политического дискурса национального образования в исследуемый период (Миссионерские записки..., 2016; Катков, 2009; Победоносцев, 1901), запечатлевшие нормативные основы и практики реализации имперской образовательной политики.

Обсуждение проблемы становления и эволюции востоковедческого дискурса национального образования малопродуктивно без апелляции к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», поскольку практики окраинной инородческой политики и деятельности государства и общественных структур в образовательной сфере являлись следствием представлений научного сообщества о концепте «национальное образование» как интеллектуальном конструкте. В этом аспекте видится актуальным обращение к теории дискурса (Р. Барт, М. Фуко), предполагающей не отражение прошлого, а его интерпретацию, в которой текст выражает этические, идеологические взгляды автора на реальность, его культурные и нравственные конвенции.

Обращение к научно-исследовательским практикам «новой имперской истории» позволяет обнаружить ранее не удостоенные вниманием исследователей обстоятельства, связанные с взаимодействием различных акторов, разворачивавшиеся в границах инкорпорируемых территорий: ученых, общественных деятелей, имперского чиновничества. Из широкого спектра трудов, посвященных истории России как истории империи, наиболее приближены к проблематике нашей работы исследования А. М. Эткинды о феномене внутренней колонизации (Эткинд, 2016). С точки зрения автора, внутренняя колонизация была одним из инструментов расширения территориальных границ Российской империи. Примечательно, что теория А. Эткинды основана на применении к российской истории эвристической схемы, которую разработал Эдвард Саид в книге «Ориентализм» (Саид, 2021), описывавший колонизацию как основанное на насилии формирование и поддержание

культурной дистанции между колонизаторами и «туземцами». По мнению А. Эткинды, российские имперские элиты выстраивали дистанцию по отношению к собственному населению, равно как и к другим народам Российской империи. В данном отношении логика формирования образовательной политики на окраинах страны, институционализация образовательных учреждений и практическая деятельность имперской бюрократии являлись надежным инструментом фиксации культурной дистанции между акторами и субалтернами колонизации.

Аналитическая рецепция научного наследия отечественного востоковедения середины XIX – начала XX вв. предопределила использование адекватных целям и задачам аналитических процедур – дискурс-анализа и контент-анализа текстов российских ориенталистов. В работе также использовались традиционные методы: историко-сравнительный, способствовавший выявлению и объяснению разновременных представлений ученых-востоковедов о моделях интеграции коренного населения, и проблемно-хронологический, позволивший осмыслить социокультурные и интеллектуальные обстоятельства формирования востоковедческих концепций «собственного востока» России и культурной интеграции индигенного населения.

3. Обсуждение

В отечественной исторической науке вопросам национального образования и национальной школы как инструментам имперской колонизации придается особое внимание (Плахотник, 2019; Лысенко, 2019; Чуркина, 2018; Чуркин, 2019; Стурова, 2018). Следует заметить, что в корпусе трудов российских специалистов исторической и историко-педагогической направленности сюжеты институционализации образования коренных народов Российской империи органично вписываются в систему координат историографического дискурса национального и имперского строительства. Вместе с тем «белым пятном» историографической традиции проблемы продолжает оставаться тема научной рефлексии инородческого вопроса в трудах российских ученых-востоковедов, эссенциально обозначивших основные принципы и векторы имперской политики как инструмента культуртрегерства в иноэтничной и иноконфессиональной среде. В этой связи актуальным видится интерпретация отечественного колонизационного процесса в постколониальных штудиях, ставшая на рубеже XX – XXI вв. основанием формирования новых историографических подходов к оценке национальной политики Российской империи, в том числе и в области образования субалтернов (Джераси, 2013; Тольц, 2013; Ходарковский, 2019; Сартори, Шаблей, 2019; Круз, 2020; Верт, 2012). В целом исследовательский опыт позволяет констатировать коммуникативное согласие ученых в отношении ряда специфических факторов, сопутствовавших продвижению русской оседлости в регионы Сибири и Степного края, что проявилось в признании их выраженной лимитирующей функции, а именно отдаленности ареалов водворения мигрантов от Европейской России; дискретности территорий на восточных окраинах с разной степенью интенсивности достигаемых имперской властью; этнической мозаичности населения и пестроты его конфессионального состава, что в условиях географического соседства с государствами Центральной Азии создавало как угрозу исламизации местных номадов, так и способствовало усилению политического влияния в районах, входивших в сферу политических интересов России крупнейших европейских держав.

4. Результаты

Переходя к вопросу репрезентаций национального образования как инструмента имперской колонизации в дискурсе отечественного востоковедения, предварительно отметим два существенных обстоятельства. Во-первых, в XIX веке такие категории, как «нация», «национальное самосознание», «империя», «региональная интеграция», определяли мировоззрение людей. Мир в их представлениях состоял из наций, что давало политическим элитам метрополий моральное право разрабатывать и внедрять различные стратегии строительства национальных государств, распространяя логику преимуществ доминирующей национальной группы при выстраивании отношений с территориями, обладавшими колониальным статусом. Во-вторых, апологии националостроительства соответствовали европоцентристским формулам середины XIX столетия, легитимировавшим преимущества так называемых цивилизованных народов над «взрослеющими» представителями архаических культур.

По констатации В. Тольц, уже в 1840-х гг. идея русской цивилизационной миссии на Востоке становится неотъемлемым элементом идеологии русского национализма, при этом риторика и практики мессианства, характерные для всего колониального мира, именно в России приобретают особый резонанс (Тольц, 2013: 52). Актуализация мессианской идеологии, на наш взгляд, во многом обеспечивалась атмосферным фоном общеевропейского дискурса о цивилизованных и нецивилизованных народах, основные позиции которого были представлены в работах Ф. Энгельса, Г. Гегеля, К. Маркса и др. Так, Ф. Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованной в 1852 г., определил славянское население Европы как «жалкие, вымирающие нации, обреченные на уничтожение, не давшие ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закрепощении» (Маркс, Энгельс, 1987: 357). Таким образом, тезис о невключенности России в европейскую систему культурно-политических координат нуждался

в толковании и опровержении, что становилось возможным через переопределение части Азии как фрагмента политического тела России, в отношении которого империя осуществляет цивилизаторские практики.

Симптоматично, что российские имперские ученые артикулировали свою цивилизаторскую миссию в Азии сообразно с устоявшейся европейской формулой: власть над Востоком заключается в обладании научным знанием. Однако в дискурсе отечественного востоковедения, институциональные основы которого уходят корнями в 1840–1850-е гг., миссия России в Азии определялась не только как просветительская, но и как организаторская, что рельефно свидетельствовало о репрезентации азиатских пространств как собственных территорий, а не колоний в традиционном смысле данного понятия. Один из основоположников российского востоковедения В.В. Григорьев, предсказывая блистательную будущность России в ее азиатской политике, констатировал, что в отношениях с Востоком необходимо сохранить многочисленные его народы и устроить их, «научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы» (Григорьев, 1840: 7).

Следует заметить, что в трудах ранних российских востоковедов 1840–1850-х гг. зеркально были отражены широко распространенные в тот период представления и стереотипы о Востоке и народах Азии как «блуждающих во мраке невежества и суеверий», нуждавшихся в просвещении религией и наукой, что влекло за собой естественную необходимость «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7–8). Логика подобных рассуждений в полной мере соответствовала имперским представлениям о России, не имевшей колоний за океаном, как едином географическом и территориальном пространстве, оформление которого достижимо только средствами политической воли, реализуемой в регулярных интеграционных мероприятиях.

В этой неоформленной программе просматривались некоторые перспективы определения принципов образовательной политики в Азиатской России как инструмента инкорпорации собственных территорий на восточных окраинах империи, в том числе и в сфере национального образования. Необходимо отметить, что задачи вовлечения азиатской периферии в общеимперское пространство располагались в эпицентре дискурса ученых-востоковедов, общественно-политических деятелей и представителей политических элит, позиционирующих себя как «охранителей», стимулирующих безопасность империи. Поражение России в Крымской войне (1853–1856 гг.), стимулировавшее резкий прирост антизападных настроений, а также прецеденты сепаратизма в Царстве Польском и в Сибири вначале 1860-х гг., вызвали к жизни идеи откровенно националистического толка. Призывы «Русского вестника» и «Московских ведомостей», редактируемых лидером национал-консерваторов М.Н. Катковым, к созданию «большой русской нации» путем распространения на окраинах русского помещичьего землевладения и земледелия воплощались в формулу стирания культурных различий (Катков, 2009).

В национальном сегменте образовательной политики преодоление культурных различий и формирование однородного в административном, социальном, этноконфессиональном отношении пространства коммуникации власти и общества в Азиатской России способствовало рождению серии проектов, зафиксированных в консервативном дискурсе. Нельзя не отметить, что исследователи обладают склонностью извлекать из этой дискурсивной канвы преимущественно очевидные сюжеты, связанные исключительно с христианизацией коренных народов и широко растиражированной в среде индигенного населения практикой русификации. Действительно, культурная и административная русификация инородцев Западной Сибири, Степного края, Туркестана являлась одним из инструментов национального строительства на окраинах, а христианизация, отданная фактически до начала XX в. на откуп миссионерам, – способом инкорпорации пространств и людей в общеимперское поле. Концептуально национал-консервативный дискурс русификации как метода инкорпорации коренных народов с предельной откровенностью был запечатлен в позиции миссионера Вениамина, главы Забайкальской миссии: «...даем (инородцам) русское имя с русским прозвищем, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Джераси, 2013: 99). Однако с течением времени столь примитивные инструменты колонизации продемонстрировали свою низкую эффективность. Так, по констатации миссионера М. Путинцева, в первый год работы Киргизской миссии в уездах Степного края крестившихся по православному обряду инородцев насчитывалось 5 человек (Путинцев, 1896: 2). В последующие годы статистика крещений, в том числе как следствие перехода в православие из ислама, в Степном крае оставалась неустойчивой: в 1897 г., по заверению миссионеров, было «приобретено для Христовой церкви 46 человек из магометанства: 30 мужского и 16 женского пола» (Извлечение..., 1898: 6); в 1902, 1906, 1910, 1911 гг. – 42, 8, 5, 10 душ соответственно. В.Н. Наливкин в своих рассуждениях о положении инородческого населения Азиатской России отмечал, что долгое время большинство русских интеллигентных людей повторяли слова министра просвещения графа Д. Толстого о важности распространения государственного языка на окраинах. Однако, писал Наливкин, когда в 1884 г. генерал Розенбах собрал в Ташкенте особую секретную комиссию по вопросу

интеллектуальной жизни туземного населения, он получил ответ, что до тех пор, пока сарты и киргизы остаются мусульманами, надеяться на успехи распространения в их среде русского языка не приходится (Наливкин, 1913: 102-103).

Во многом неэффективность прямой христианизации и русификации скорректировали представление в консервативном лагере как о моделях взаимоотношений с коренными народами, так и практиках их аккультурации. На новом уровне рецепции инородческого вопроса дискурс национального образования сопрягался с общим вектором позиционирования азиатской периферии как «собственного востока» России, а аборигенные народы интерпретировались в качестве «своих инородцев». Данная концепция получила обоснование в трудах и деятельности ученого-востоковеда, миссионера Н.И. Ильминского (Ильминский, 1889), система которого была апробирована в Поволжье и в дальнейшем получила распространения на восточных окраинах Российской империи. Понимание Н.И. Ильминским общей стратегии культурной интеграции инородцев определялось несколькими принципами. Во-первых, он полагал, что необходимо обеспечить комфортные условия для «взросления» «своих инородцев», которое является значимым элементом строительства империи; во-вторых, в логике рассуждений Ильминского православие – высшая религиозная форма. Поэтому использование родного языка в отправлении обрядово-ритуальных действий выступает как вариант гибкой христианизации, а по сути – русификации язычников. В-третьих, Н.И. Ильминский и его сторонники позиционировали себя как противников интенсивной ассимиляции коренных народов в русскую среду, делая акцент на сохранении местных этнических сообществ как коммуникативного пространства распространения православия и естественного препятствия влиянию других религий (ислам, буддизм).

Подход Н.И. Ильминского в контексте обсуждения перспектив и возможностей подготовки почвы для становления национального образования в период 1880–1905 гг. пользовался безоговорочной поддержкой со стороны Святейшего Синода (К.П. Победоносцев) и Министерства просвещения (Д.А. Толстой) и воплощался практически, что было зафиксировано в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. (Свод главнейших..., 1882: 42-45). Сформулированная Ильминским идея использования местных языков в организации богослужения в широком смысле предполагала подготовку кадров не только для церковных и миссионерских целей, но и для образовательной сферы, в которую в качестве учителей привлекались наиболее способные автохтоны (Джераси, 2013: 69). В отдаленных епархиях и миссионерских станах Западной Сибири и Степного края обращение к опыту привлечения выходцев из местной среды было широко распространено, что подтверждается статистикой: из 93 сотрудников, упомянутых в дневниках и записках Алтайской духовной миссии конца XIX в., 47 являлись инородцами по рождению (Миссионерские записки..., 2016: 167-187). В отчетах Киргизской духовной миссии начала XX в. общим местом являлось упоминание о частых прецедентах отправки новокрещеных инородцев для продолжения образования в семинариях, а также назначении выходцев из коренного населения на должности миссионеров и псаломщиков (Отчет о Киргизской миссии..., 1900: 4-12).

Восприятию и продвижению идей и образовательных практик Н.И. Ильминского (создание аульных, миссионерских школ) во второй половине XIX в. активно способствовали научные представления эпохи, в том числе убежденность в детерминированности культуры географией. В образованной среде России и в сообществах политической элиты доминировала уверенность в том, что цивилизация непременно фланирует с запада на восток, неся с собой не только благо для новых, обойденных культурой народов, но и вредоносное влияние. Пример западных окраин Российской империи с характерными для этого региона сепаратистскими настроениями и националистическими эксцессами актуализировали стремление ученых, общественных деятелей, имперского чиновничества к поддержке этнических меньшинств, принявших христианство, а также малых этнических групп, потенциально готовых войти в семью православных народов, что являлось условием успешного противостояния воздействию татар-мусульман как главному источнику нестабильности на отсталом Востоке.

В значительной мере система Н.И. Ильминского, основанием которой стали европоцентристские представления и идеи о взрослении примитивных народов, репрезентируемые в дискурсе отечественного востоковедения и реализуемые в рамках имперской образовательной политики, привела к результатам, определившим значительные сдвиги в понимании как задач нациостроительства в Азиатской России, так и коррекций в образовательных практиках.

Современники событий, на практике соприкоснувшиеся с системой Н.И. Ильминского, согласно отмечали, что такая модель народного образования «...дала хорошие результаты: многие из окончивших курс в двухклассных русско-киргизских училищах киргизские ученики, выходили хорошими учителями, фельдшерами и с успехом работали и работают на избранном поприще среди своего народа...» (Греховодов, 1913: 15). Вместе с тем на рубеже XIX – XX вв. частыми становятся и критические высказывания по поводу организации и функционирования национальных школ в Азиатской России, что особенно заметно проявлялось в областях, активно включаемых в орбиту русской аграрной колонизации (Степной край), где имперская административно-управленческая система находилась в фазе становления, а коренное население (киргизы) чаще всего оказывалось в

сфере влияния странствующих мулл и учителей из татар. Кроме того, в условиях активизации аграрных переселений и водворения крестьянства губерний Европейской России в непосредственном соседстве с кочевьями номадов в центре колонизационной повестки имперской власти оказывалась политика седентаризации, что влекло за собой видоизменения в отлаженном механизме национального образования, сопровождалось расширением спектра образовательных услуг за счет низших сельскохозяйственных школ, назначение которых инородцам было непонятно и воспринималось как культурное насилие (Греховодов, 1913: 9).

Важно отметить, что новые обстоятельства экономической жизни и общественного устройства азиатских окраин, вызванные массовыми миграциями из европейской части страны и естественным распространением русской оседлости и русского языка, значительно снизили напряжение образовательного дискурса, во всяком случае, в сообществе высшей чиновной бюрократии. Известный афоризм российского министра финансов эпохи Николая I Е. Канкрин «образование надобно давать дозировано, как соль» преобразовался в высказывании обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева следующим образом: «Мало кто думает, что отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудрёными целями, мы лишаем родителей и семьи рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешённого от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия» (Победоносцев, 1901: 84).

Не менее существенным фактором, повлиявшим на эволюцию представлений о национальной школе и национальном образовании в научном дискурсе конца XIX – начала XX вв., стал рельефно выраженный конфликт между целью стирания культурных различий и логикой конструирования «большой русской нации» с универсальной социокультурной идентичностью и результатами реализации имперской политики в образовательной сфере по лекалам системы Н.И. Ильминского. Не вызывает сомнений, что в теории Ильминского, равно как и в рассуждениях его современников, ученых-востоковедов, обретение «собственного востока» в Азии означало прирост русского национально-культурного чувства во многом за счет лишения признаков национальной идентичности коренных народов региона. Однако в практической плоскости формат национального образования де-юре и де-факто предоставил возможность индигенному населению, особенно представителям номадической аристократии, выйти за установленные образовательной системой рамки христианизации и русификации, сохранить острое ощущение принадлежности к своей национальной культуре. В ситуации становления и распространения государственной системы просвещения местная молодежь получила возможность обучения не только в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ, но и в университетах, что значительно расширило пространство культурной и интеллектуальной коммуникации отдельных представителей коренных групп, в результате чего сформировалось локальное сообщество людей, образованных по европейским университетским стандартам. Возвращение в родные места по окончании университетского курса сопровождалось для данной группы лиц и изменением социального статуса. Приобретая статус служащих, представители национальной интеллектуальной элиты вербовались в ряды имперских экспертов, включались в деятельность общественных организаций, не рассматривая факт перехода в православие в качестве социального лифта. Напротив, коренная аристократия, переживая имущественное разорение, стремилась к сохранению своего статуса путем контактов и слияния с имперской бюрократией и государственной властью. В результате представления национальной интеллигенции, с одной стороны, оформлялись в обстоятельствах влияния русской культуры, что материализовалось в вовлечении национальных кадров в государственную деятельность, с другой, – испытывали воздействие со стороны теоретиков и практиков исламизма, что способствовало распространению антиколониальных, отчасти антирусских, настроений и усилению национальной идентичности.

В осмыслении эволюции дискурса национального образования в трудах российских востоковедов невозможно игнорировать изменения общего интеллектуального фона пореформенной эпохи, ознаменованного формированием новой генерации российских общественно-политических деятелей и чиновничества. На рубеже XIX – XX вв. на авансцену отечественной политической жизни вышло поколение, этос которого складывался под влиянием либеральных идей и либеральных преобразований 1860–1870-х гг., что не могло не оказать влияния на представления ученых-востоковедов о «собственном востоке» и механизмах, в том числе образовательных, встраивания Азиатской России в имперское поле.

Наиболее предметно новое видение «восточной» ситуации оказалось запечатлено в рецепции последователей востоковедческой школы барона В.Р. Розена, полагавших, что «принцип уважения к племенным особенностям инородцев усиливает Россию, а не ослабляет ее» (Чичерина: 595). Научно-интеллектуальное становление таких ярких представителей российского востоковедения, как В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатский, пришлось на начальный период кризиса романтического консерватизма и европоцентристских теорий. Общеευропейская ревизионистская тенденция, в поле влияния которой не успели попасть родоначальники отечественных востоковедческих исследований (В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, В.В. Радлов),

направила исследователей Востока и азиатской части России в русло этнического плюрализма, что усиливалось их сомнениями в продуктивности идеи европейского превосходства. Тем не менее нужно отметить эволюционный и достаточно извилистый характер перемен в востоковедческих теориях и подходах на рубеже XX в., что в значительной степени амортизировало модернизацию практик в сфере национального образования. В дискурсивный корпус новых востоковедов вошло и утвердилось понятие о знании не как источнике завоевания Востока, а как инструменте влияния на самосознание азиатских инородцев. Так, один из ярких представителей школы Розена, В.В. Бартольд, во вступительном слове к защите своей диссертации, говорил: «...восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» (Бартольд, 1963: 610). С точки зрения коллег В.В. Бартольда (С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр), это особое знание сформировалось в результате длительного сосуществования с народами азиатской периферии, и патерналистские амбиции России по отношению к «собственному востоку» являются морально оправданными и придают особую легитимность соучастию российского государства в обустройстве всех сфер жизни коренных народов, входивших в ареал геополитических интересов империи.

Устойчивость имперской риторики в суждениях либеральных востоковедов, в отличие от их предшественников «охранителей», оттенялась признанием несомненного факта великой истории азиатских народов, которые нуждаются в обучении особой европейской методологии познания собственного прошлого. «Площадкой» репрезентации такого знания выступали пространственные историко-этнографические очерки лидеров востоковедения, в которых значительное место отводилось сведениям об истории того или иного азиатского народа, начинавшейся с древнейших времен.

Симптоматично, что признание давности и величия прошлого азиатских народов в дискурсе либерального востоковедения вполне вписывалось в возникавшие на рубеже XIX – XX вв. проекты интеграции национальных меньшинств в общеимперское этнокультурное пространство. К этому времени в сознании российских политических и общественных элит сложилось достаточно ясное понимание категории «русская нация», охватывавшая народы евроазиатской Российской империи, включая пространства Поволжья и Западной Сибири. Интеграция этнических групп Сибири заенисейской, Степного края, Туркестана представлялась как отдаленная, но вполне ожидаемая перспектива, инструментом реализации которой рассматривалось сотрудничество, совместная деятельность с целью политического и духовного слияния инородцев с доминирующей группой – русскими. Главным актором политики сотрудничества русского и инородческого населения стала степная аристократия, активно интегрируемая в российский социум через служебные функции и участие в деятельности общественных организаций, аффилированных с государством (филиалы ИРГО, этнографические общества и объединения и т.д.). В дальнейшем, когда в России широкое распространение получила идеология движения «малой родины», вынесшая на первый план принадлежность к «месту» в противовес этнической и конфессиональной маркировке, круг лиц, вовлеченных в коммуникацию, существенно раздвинулся. В значительной степени продвижению идеи «малой родины» способствовало перерождение концепции сибирского областничества, фронтмены которой Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков и др., пережив «травму» репрессий по подозрению в сепаратизме, сосредоточились на экономических и социальных нуждах азиатской окраины, обращаясь к инородческому вопросу, связывая его решение с созданием такой образовательной системы, в пределах которой представители коренного населения будут получать «...те же знания, которые считается необходимым иметь русскому чиновнику» (Потанин, 2014: 67). В целом конвергенция проектов «малой родины» и областничества, репрезентировавших идею отечественных востоковедов о совместной деятельности русского и инородческого населения как условия интеграции «с тяготением к России...» (Клеменц, 1893: 22), обозначили тенденцию к вытеснению национальной школы сценариями совместного обучения русских и инородцев посредством создания пансионов, которые позволили бы преодолеть разбросанность инородцев по территориям проживания, создать условия для усвоения русского языка и взаимопроникновения культур.

5. Заключение

Подводя общий итог, можно констатировать, что процесс внутренней колонизации окраин в России реализовывался как проект инкорпорации территорий и людей, маркируемых в категориях «собственные земли», «собственный восток», «Азиатская Россия». Примечательно, что интеллектуальный дискурс «собственного востока» выстраивался парадоксально. С одной стороны, носители знания о Востоке, заметное место в ряду которых занимали российские ученые-востоковеды, продуктивность результатов интеграции иноэтничных сообществ связывали с преодолением культурных различий и формированием на азиатской периферии «большой русской нации». С другой, – европоцентристские установки и положения, сложившиеся в интеллектуальной среде эпохи позднего Просвещения, продуцировали такие представления о возможностях инкорпорации окраин, в которых мотив культурной дистанции между человеком знания и культуры и колониальным субалтерном оставался неизменным.

Дискурс национального образования, являвшийся одним из сюжетов рефлексии Азиатской России как «собственного востока» в трудах отечественных востоковедов, органично вплетался в канву имперской политики, формулируя для власти сообразные текущей ситуации алгоритмы практической деятельности, направленные на встраивание инородческого населения в общероссийский социум. Несмотря на существенную эволюцию ориенталистских представлений российских ученых-востоковедов на рубеже XIX – XX вв., что выразилось в критическом отношении к европоцентристским установкам, любым проявлениям культурного насилия по адресу коренных народов, имперское понимание образовательной политики и практик как инструмента интеграции индигенных народов осталось неизменным. Проекты национального образования, представленные в востоковедческом дискурсе и реализуемые имперскими структурами на восточных окраинах империи, при всей вариативности средств их воплощения в своей субстанциональной основе оставались русификаторскими, что являлось фактором постоянной этно-конфессиональной конфликтности на окраинах и поддерживало ситуацию отдельности и отдаленности восточной периферии.

Литература

- Бартольд, 1963** – Бартольд В.В. Речь перед защитой диссертации / Сочинения: в 9 т. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 760 с.
- Верт, 2012** – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Греховодов, 1913** – Греховодов М.Н. Народное образование среди киргизского населения Петропавловского уезда Акмолинской области. Казань: Центральная типография, 1913. 31 с.
- Григорьев, 1840** – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
- Извлечение..., 1898** – Извлечение из отчёта Киргизской миссии за 1897 г. // Омские епархиальные ведомости. 1898. № 8. С. 4-8.
- Ильминский, 1889** – Ильминский Н.И. Беседы о народной школе. СПб.: Синодальная типография, 1889. 40 с.
- Катков, 2009** – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Клеменц, 1893** – Клеменц Д.Н. Местные музеи: Их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. 2. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. С.1-35.
- Ключевский, 1987** – Ключевский В.О. Курс русской истории / Соч. в 9 т. Т.1. Ч.1. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Миссионерские записки..., 2016** – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк т-ва печатного дела, 1913. 144 с.
- Отчёт..., 1900** – Отчёт о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости. 1900. № 13. С. 4-12.
- Плахотник, 2019** – Плахотник Т. Ю. Проблема образования кочевого населения Степного края в работах А. Е. Алекторовой - чиновника образовательного ведомства / *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: Материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции*. Омск, 05 декабря 2019 года Омск: «Омский государственный педагогический университет», 2019. С. 21-27.
- Победоносцев, 1901** – Победоносцев К.П. Народное просвещение / *Московский сборник*. М.: Синодальная типография, 1901. С.80-90.
- Потанин, 2014** – Потанин Г.Н. Инородческий вопрос / *Избранное*. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 62-69.
- Путинцев, 1896** – Путинцев М. Из Киргизской миссии Омской Епархии // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1896. № 4. С. 1-7.
- Саид, 2021** – Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.
- Сартори, Шаблей, 2019** – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Свод главнейших..., 1882** – Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч.1. СПб.: Типография Глазунова, 1882. 256 с.
- Стурова, 2018** – Стурова М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 3(16). С. 88-98.

- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
- Чичерина, 1906 – Чичерина С.В. Положение просвещения у Приволжских инородцев // *Известия Императорского Русского географического общества*. 1906. Т. XLII. Вып. 1. С. 580-612.
- Чуркин, 2019 – Чуркин М.К. Репрезентации стратегий и практик образовательной политики России на восточных окраинах империи в национал-консервативных и либеральных периодических изданиях второй половины XIX - начала XX вв. // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2019. Т. 10, № 8(82). С. 29.
- Чуркина, 2018 – Чуркина Н. И. Основные тенденции реализации образовательной политики в Омском Прииртышье (вторая половина XIX - начало XX вв.) / Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности: Сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции - XXXII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования. Нижний Новгород: «Волгоградская государственная академия последипломного образования», 2018. С. 212-216.
- Маркс, Энгельс, 1986 – Маркс К., Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 686 с.
- Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Lysenko, 2019 – Lysenko Yu.A. The question of the reliability of the muslim educational institutions of the turkestan region in the reports of the official of special assignments of the ministry of internal affairs I. Naumov // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54(4). Pp. 1745-1753.

References

- Bartol'd, 1963 – Bartol'd, V.V. (1963). Rech' pered zashchitoy dissertatsii [Speech before the dissertation defense]. Sochineniya: v 9 t. T. 1. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 760 p. [in Russian]
- Chicherina, 1906 – Chicherina, S.V. (1906). Polozhenie prosveshcheniya u Privolzhskikh inorodtsev [The state of education among the Volga aliens]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. XLII. Vyp. 1. Pp. 580-612. [in Russian]
- Churkin, 2019 – Churkin, M.K. (2019). Rerezentatsii strategii i praktik obrazovatel'noi politiki Rossii na vostochnykh okrainakh imperii v natsional-konservativnykh i liberal'nykh periodicheskikh izdaniyakh vtoroi poloviny XIX - nachala XX vv. [Representations of strategies and practices of educational policy of Russia on the eastern outskirts of the empire in national-conservative and liberal periodicals of the second half of the XIX - early XX centuries]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 10. 8(82): 29. [in Russian]
- Churkina, 2018 – Churkina, N.I. (2018). Osnovnye tendentsii realizatsii obrazovatel'noi politiki v Omskom Priirtysh'e (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Main tendencies of realization of educational policy in Omsk Priirtyshye (second half of XIX - beginning of XX centuries)]. *Vospitanie i sotsializatsiya molodezhi: potentsial istoriko-pedagogicheskogo poznaniya v kontekste vyzovov sovremennosti: Sb. nauch. tr. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii - XXXII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoi nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniya i teoreticheskoi pedagogiki Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. Nizhnii Novgorod: «Vologradskaya gosudarstvennaya akademiya poslediplomnogo obrazovaniya». Pp. 212-216. [in Russian]
- Dzherasi, 2013 – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religii v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 548 p. [in Russian]
- Etkind, 2016 – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Grekhovodov, 1913 – Grekhovodov, M.N. (1913). Narodnoe obrazovanie sredi kirgizskogo naseleniya Petropavlovskogo uezda Akmolinskoi oblasti [Public education among the Kyrgyz population of Petropavlovsk uyezd, Akmolinskaya oblast]. Kazan': Tsentral'naya tipografiya, 31 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1840 – Grigor'ev, V.V. (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On Russia's Attitude Toward the East: A Speech Delivered by Professor V. Grigoriev, the Acting Professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- Il'minskii, 1889 – Il'minskii, N.I. (1889). Besedy o narodnoi shkole [Talks about the folk school]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 40 p. [in Russian]
- Izvlachenie..., 1898 – Izvlachenie iz otcheta Kirgizskoi missii za 1897 g. [Extract from the report of the Kirghiz Mission for 1897]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1898. 8: 4-8. [in Russian]
- Katkov, 2009 – Katkov, M.N. (2009). Ideologiya okhranitel'stva [Guardian ideology]. M.: In-t russkoi tsivilizatsii, 800 p. [in Russian]

- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800. [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]
- Klements, 1893** – *Klements, D.N.* (1893). Mestnye muzei: Ikh znachenie v provintsial'noi zhizni [Local Museums: Their importance in provincial life]. Sibirskii sbornik. Vyp. 2. Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoi. Pp. 1-35. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1987** – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Kurs russkoi istorii [Course of Russian History]. Soch. v 9 t. T.1. Ch.1. M.: Mysl', 430 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [To the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The question of the reliability of the muslim educational institutions of the turkestan region in the reports of the official of special assignments of the ministry of internal affairs I. Naumov. *Bylye Gody*. 54(4): 1745-1753.
- Marks, Engel's, 1986** – *Marks, K., Engel's, F.* (1986). Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Germanii [Revolution and Counterrevolution in Germany]. Izbrannye proizvedeniya. V 3-kh t. T. 3. M.: Politizdat. 686 p. [in Russian]
- Missionerskie zapiski..., 2016** – *Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii* [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai spiritual mission]: Sbornik arkhivnykh dokumentov. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk t-va pechatnogo dela. 144 p. [in Russian]
- Otchet..., 1900** – *Otchet o Kirgizskoi missii za 1899 g.* [Report on the Kirghiz mission for 1899]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1900. 13: 4-12. [in Russian]
- Plakhotnik, 2019** – *Plakhotnik, T.Yu.* (2019). Problema obrazovaniya kochevogo naseleniya Stepnogo kraia v rabotakh A. E. Alektorova - chinovnika obrazovatel'nogo vedomstva [The problem of education of the nomadic population of the Steppe region in the works of A. E. Alektorov - an official of the educational department]. Poznanie i deyatelnost': ot proshlogo k nastoyashchemu: Materialy I Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii. Omsk, 05 dekabrya 2019 goda Omsk: «Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet». Pp. 21-27. [in Russian]
- Pobedonostsev, 1901** – *Pobedonostsev, K.P.* (1901). Narodnoe prosveshchenie [Public Education]. Moskovskii sbornik. M.: Sinodal'naya tipografiya. Pp. 80-90. [in Russian]
- Potantin, 2014** – *Potantin, G.N.* (2014). Inorodcheskii vopros [The Inorodic question]. Izbrannoe. Tomsk: Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. Pp. 62-69. [in Russian]
- Putintsev, 1896** – *Putintsev, M.* (1896). Iz Kirgizskoi missii Omskoi Eparkhii [From the Kirghiz Mission of the Omsk Eparchy]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 4: 1-7. [in Russian]
- Said, 2021** – *Said, E.* (2021). Orientalizm [Orientalism]. M.: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 560 p. [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2019** – *Sartori, P., Shablei, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoi stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- Sturova, 2018** – *Sturova, M.V.* (2018). Russko-kazakhskie shkoly v sisteme gosudarstvennogo upravleniya obrazovatel'nym prostranstvom Stepnogo general-gubernatorstva nachala XX v. [Russian-Kazakh schools in the system of state management of educational space of the Steppe Governor-General's Office in the early XX century]. *Narody i religii Evrazii*. 3(16): 88-98. [in Russian]
- Svod glavneishikh..., 1882** – *Svod glavneishikh zakonopolozhenii i rasporyazhenii o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh i uchitel'skikh seminar'yakh* [Collection of the most important laws and regulations on primary public schools and teacher's seminaries]. Ch.1. SPb.: Tipografiya Glazunova, 1882. 256 p. [in Russian]
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- Vert, 2012** – *Vert, P.* (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the history of religious diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]

Национальное образование как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе отечественного востоковедения середины XIX – начала XX вв.

Сабира Нурбаевна Апашева ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^b,
Сайран Максовна Картбаева ^c, Наталья Ивановна Чуркина ^c

^a Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Республика Казахстан

^b Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^c Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка деконструкции дискурса национального образования в научных трудах российских востоковедов. Сформулирована гипотеза о том, что дискурс национального образования, репрезентируемый в трудах российских ученых-востоковедов, выполнял значимую функцию формирования представлений власти и общества о возможных сценариях интеграции национальных меньшинств окраинных территорий в общеимперское пространство с опорой на современное научное знание, делегировал империи право принятия ответственных решений в сфере национального и имперского строительства. В работе отмечается парадоксальность конструирования дискурса национального образования как инструмента интеграции азиатской периферии в общеимперский. С одной стороны, востоковеды достигимость результатов интеграции иноэтничных сообществ связывали с преодолением культурных различий и формированием в Азиатской России «большой русской нации». С другой, – европоцентристские установки и положения, сложившиеся в интеллектуальной среде эпохи позднего Просвещения, продуцировали такие представления о возможностях инкорпорации окраин, в которых мотив культурной дистанции между человеком знания и культуры и колониальным субалтерном оставался неизменным. В процессе исследования были выявлены представления отечественных ученых-ориенталистов об азиатской периферии Российской империи как «собственном востоке» на разных этапах исследовательской деятельности в широких хронологических границах XIX – начала XX вв. Установлено, что проблема становления национального образования в окраинных регионах империи являлась составной частью дискурса интеграции национальных меньшинств в общероссийское социальное пространство, в рамках которого были заданы рамки взаимодействия имперской власти с коренным населением окраин. В дискурсе первого поколения отечественных ориенталистов вопросы инкорпорации территорий и коренного населения окраин рассматривались в контексте европоцентристских установок, а национальное образование маркировалось как инструмент христианизации кочевников-номадов. В духе консервативного романтизма теоретики и практики востоковедения конструировали сценарии национальной школы, в системе координат которой использование родного языка в обучении являлось решающим фактором преодоления культурных различий. Эволюция российского востоковедения в последующие годы, заключавшаяся в преодолении шаблонов европоцентризма, не изменила общего содержания дискурса, скорректировав лишь методы его реализации в сфере национального образования при сохранении риторики морального превосходства и патерналистской логики в отношении народов Азиатской России.

Ключевые слова: национальное образование, интеграция коренных народов, Азиатская Россия, имперская колонизация, дискурс, отечественное востоковедение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sabira66_66@mail.ru (С.Н. Апашева),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), kartbaevasairan@yandex.ru (С.М. Картбаева),
n_churkina@mail.ru (Н.И. Чуркина)